

РЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ОТ 31 ЯНВАРЯ 2024 г. ПО СУЩЕСТВУ СПОРА УКРАИНЫ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.А. Киселева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

01 марта 2024 г.

Дата принятия в печать –

05 апреля 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Международный Суд ООН, решение по существу спора, международное правосудие, конвенция, финансирование терроризма, расовая дискриминация, средства, Украина, Российская Федерация

Представлен анализ одного из самых ожидаемых и неожиданных для многих решений Международного Суда Организации Объединенных Наций от 31 января 2024 г. по делу Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). Данное решение является неоднозначным событием, которое требует многофакторного анализа. Позиции Суда в исследованном акте позволяют делать выводы не только по вопросам самого спора, по существу которого он вынесен, но и в поддержку жизнеспособности институтов международного правосудия. Международный Суд предпочел воздержаться от оценок весьма спорных фактов конфликта в Украине, а остался на позиции исключительно правовой оценки подлежащих исследованию по существу заявленного спора требований. Цели, поставленные перед истцом в данном процессе еще как минимум в 2014 г. (в ходе начала подготовки искового заявления по данному делу), не достигнуты.

JUDGMENT ON THE MERITS OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE OF JANUARY 31, 2024, CASE UKRAINE VS RUSSIAN FEDERATION

Olga A. Kiseleva

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2024 March 01

Accepted –

2024 April 05

Available online –

2024 June 20

Keywords

The International Court of Justice, judgment on the merits, international justice, convention, financing of terrorism, racial discrimination, funds, Ukraine, Russian Federation

The subject. The number of authors who consistently try in their works to “bury” international justice, as well as international law itself, behind the ideas of politicization, bias and unenforceability, has grown significantly today. The political and legal developments of modern international law should still be assessed comprehensively and in detail. First of all, legal events are the is Judgment on the merits of the International Court of Justice of January 31, 2024, case of Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine vs. Russian Federation).

Materials and methods. This research carried out a scientific analysis of the Judgment on the merits of the ICJ dated January 31, 2024. The subject of the study also included other law enforcement acts of the International Court of Justice in this case and in other cases, as well as normative acts of international law.

Discussion. The judgment on the merits of the UN International Court of Justice dated January 31, 2024 was one of the most expected and unexpected for many. It is an ambiguous event that requires multifactor analysis. The author analyzed the procedure for considering this dispute, the stated subject and basis of the dispute in conjunction with the decisions of the Court itself on jurisdiction, and assessed the adopted final decisions on the merits of the dispute. It is safe to say that for Russia this decision of the Court is in many ways positive. The positions of the Court in the examined act allow us to draw conclusions not only on the issues of the dispute itself, on the merits of which it was decided, but also regarding the advisability of preserving international justice, which has shown viability and independence. The main results and conclusions. The author analyzes the case review process, the subject of the dispute, which was declared by the applicant and actually considered by the Court, in conjunction with the judgments of the Court on the issue of jurisdiction, and the author gave a legal assessment of the final judgment on the merits of the case. It is safe to say that

this Court's judgment has a positive meaning in many aspects for Russian Federation. The positions of the Court in the act examined allow us to draw conclusions not only on the issues of the case itself, on the merits of which it was rendered, but also on the expediency of preserving international justice, which has shown viability and independence. In addition, the International Court limited itself to proving Russia's guilt in only two minor episodes of international legal violations of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism of 1999 and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination of 1965. The Court avoided from orders for damages.

1. Введение

Решение Международного Суда ООН (далее – МС ООН, Суд) от 31 января 2024 г. по делу *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*¹ примечательно тем, что к нему сразу в нескольких аспектах можно смело применить слово «впервые». Так, это решение стало первым за всю историю МС ООН и современной России решением по существу спора, где ответчиком выступала Российская Федерация. Кроме того, это решение ознаменовало собой окончание одного из ключевых этапов идущего с 2014 г. международно-правового противостояния Украины и России, в которое оказались вовлечены практически все доступные Украине международные суды и арбитражи. Это противостояние уже вызвало заметный интерес со стороны специалистов в области международного правосудия, получив название *Lawfare* (об этом см.: [1–4]), что можно перевести как использование государством судебно-правовых средств для достижения военных и политических целей в идущем конфликте. Помимо Украины эта стратегия была эффективно использована Катаром, который, буквально завалив исками коалицию арабских государств, применивших к нему санкции, заставил их пойти на попятную и заключить с ним мировое соглашение (об этом см.: [5]).

2. Фактические обстоятельства дела

В январе 2017 г. (спустя почти три года после начала вооруженного противостояния на юго-востоке Украины и вхождения Крыма в состав Российской Федерации) Украина обратилась с иском против России в МС ООН, заявив о нарушении ответчиком своих обя-

зательств по Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (далее – Конвенция 1999 г.) применительно к действиям России на Донбассе и по Международной конвенции о запрете всех форм расовой дискриминации 1965 г. (далее – Конвенция 1965 г.) применительно к действиям в Крыму. Оба государства являются участниками этих конвенций, при этом в обеих конвенциях предусмотрена обязательная юрисдикция МС ООН по спорам, связанным с их толкованием и применением. Сделанная еще СССР оговорка в отношении непризнания юрисдикции МС ООН по Конвенции 1965 г., была отозвана в 1990 г. указом Президента СССР М.С. Горбачева², а Конвенция 1999 г. была ратифицирована Россией без каких-либо подобных оговорок (об оговорках к международным договорам см.: [6]). Такой подход означал безотзывное согласие государства на обязательную юрисдикцию МС ООН при подаче в будущем против него любого иска от любого государства – участника этих конвенций. В литературе уже отмечено, что на сегодня подавляющее большинство споров, рассматриваемых МС ООН, переданы ему заявителями как раз на основе таких положений международных договоров (*Compromissory clauses*), несмотря на повсеместные возражения ответчиков (об этом см.: [7, с. 6]). Такое активное использование обязательной юрисдикции МС ООН (в том числе и для целей *Lawfare*) ставит под вопрос саму целесообразность включения таких положений в международные договоры (об этом см.: [8, р. 8]).

Обращает на себя внимание длительный период, предшествующий обращению в МС ООН, который обусловлен тщательной подготовкой Украины с целью избежать повторения ситуации с иском Грузии против России, поданным в 2008 г., который Суд

¹ ICJ. Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). Judgment of 31 January 2024.

² Указ Президиума ВС СССР от 10 февраля 1989 г. № 10125-XI «О снятии сделанных ранее оговорок СССР о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН по спорам о толковании и применении ряда международных договоров».

отказался рассматривать из-за несоблюдения заявителем предусмотренных Конвенцией 1965 г обязательных досудебных процедур³. В литературе уже отмечалось значение для МС ООН предусмотренных договором досудебных процедур как условия согласия государств на рассмотрение спора в МС ООН (об этом см.: [9]).

Одновременно с исковым заявлением Украина также направила в МС ООН ходатайство о принятии Судом обеспечительных мер (*provisional measures*). В своем определении от 19 апреля 2017 г. МС ООН⁴ указал на следующие обеспечительные меры. В отношении ситуации в Крыму Россия должна была (в соответствии со своими обязательствами по Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации):

(а) воздерживаться от сохранения или введения ограничений на способность крымскотатарской общины сохранять свои представительные институты, включая Меджлис⁵;

(b) обеспечить доступность образования на украинском языке.

Кроме того, обе стороны спора должны были воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор в Суде или затруднить его разрешение (р. 106 определения).

При этом МС ООН отказал Украине в принятии обеспечительных мер по Конвенции 1999 г., посчитав, что отсутствует критерий возможного наличия прав, о которых говорит заявитель (*Plausibility test*). В литературе уже было отмечено, что тем самым МС ООН впервые отказал в принятии обеспечительных мер только по этому, недавно введенному им в свою практику критерию (об этом см.: [10, с. 54; 11; 12]), неопределенность которого вызывает критику в отечественной и зарубежной доктрине (об этом см.: [13; 10, с. 88–102]).

В решении от 8 ноября 2019 г., в котором МС ООН пришел к выводу о наличии юрисдикции по данному спору, он отклонил все заявленные Россией предварительные возражения (*preliminary objections*) относительно юрисдикции Суда.

3. Требования по существу спора

Требования Украины были направлены на установление Судом фактов нарушения Россией международных обязательств, вытекающих из двух указанных выше конвенций, и применение к России норм об ответственности за допущенные ей правонарушения.

Украина просила Суд вынести решение и провозгласить (*declare*):

1. Применительно к Конвенции 1999 г. установить, что Российская Федерация ответственна за нарушение ст. 8, 9, 10, 12 и 18 Конвенции («не предприняла мер по предотвращению финансирования терроризма на территории Украины... не осуществила на своей территории меры по расследованию и привлечению к ответственности за финансирование терроризма в Украине... не предоставила Украине максимальную помощь в расследовании преступлений... ответственна за совершение террористических актов в Украине...» – р. 19, par. (a)–(e));

2. Применительно к Конвенции 1965 г. установить, что Российская Федерация нарушила ст. 2, 4, 6, 7 Конвенции (якобы совершенные ответчиком акты расовой дискриминации в отношении крымскотатарской и украинской общин в Крыму – «проводя политику и практику расовой дискриминации в отношении этих общин, спонсирование, защита, поддержка, подстрекательство расовой дискриминации... нарушение и ограничение в правах... необеспечение эффективными средствами правовой защиты от актов расовой дискриминации, не предприняла немедленных и эффективных мер в области преподавания и воспитания, проведения незаконного референдума, закрытие крымскотатарских СМИ...» – р. 20, par. (f)–(k)).

В качестве международной ответственности за международно-противоправные деяния, приписываемые Украиной России, заявитель требовал, чтобы Россия совершила безотлагательные действия по пресечению совершения террористических актов, включая немедленное прекращение всяческой поддержки ДНР и ЛНР и других групп и образований, вовлеченных в террористическую деятельность. Кроме этого,

³ Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2011, p. 70.

⁴ ICJ. Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimi-

nation (Ukraine v. Russian Federation). Provisional Measures. Order of 19 April 2017. P. 131. Para. 75.

⁵ Меджлис крымскотатарского народа. Включен Минюстом России в перечень общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности. – *Примеч. ред.*

по мнению заявителя, Россия обязана выплатить финансовую компенсацию как самой Украине за ее нарушенные права, так и *as parens patriae* ее гражданам, пострадавшим от указанных в исковом заявлении актов терроризма. Возмещению, по мнению Украины, также подлежал моральный ущерб, нанесенный заявителю, причем размер этого ущерба, равно как размер компенсаций, подлежал определению в ходе отдельного производства в МС ООН после установления судом ответственности России.

В том, что касается ответственности России за нарушения ею своих обязательств по Конвенции 1965 г., Украина просила Суд в решении по существу спора обязать Россию предпринять немедленные действия по восстановлению прав украинской и крымскотатарской общин, включая восстановление деятельности Меджлиса, а также выплатить финансовую компенсацию как самой Украине за ее нарушенные права, так и *as parens patriae* ее гражданам, пострадавшим от указанных действий. Аналогичным образом конкретный размер ущерба также подлежал определению в ходе отдельного производства в МС ООН.

Отдельно в исковом заявлении Украины выделялось требование о привлечении России к ответственности за неисполнение Россией определения МС ООН 2017 г. об обеспечительных мерах и вытекающего из этого требование о возмещении ею материального и морального ущерба Украине и ее пострадавшим от такого неисполнения гражданам Украины.

4. Предметная сфера рассмотрения спора

Очевидно, что Украина, заявляя требования одновременно по двум конвенциям, по сути не пересекающимся в процессе доказывания, преследовала более глобальные цели, объединенные исключительно украинской оценкой деятельности России в отношении присоединения Крымского полуострова и политики России в отношении ДНР и ЛНР, существовавших на момент обращения с заявлением в Суд в 2017 г.

Судя по всему, основной целью было получение от МС ООН правовых оценок, которые в последующем можно было бы использовать для усиления своей правовой аргументации в других органах международного правосудия, а также нанести России максимальный репутационный ущерб. Такое явление в литературе получило название *disaggregation of disputes* (об этом см.: [14]). В этой связи особо следует отметить требование Украины вынести решение

и провозгласить, что в результате нарушений Российской Федерацией Конвенции 1999 г. финансируемым ею лицам были предоставлены средства, которые позволили им совершить многочисленные террористические акты (к таким Украина отнесла помимо прочего, крушение рейса МН17, обстрелы Волноухи, Мариуполя, Краматорска и Авдеевки).

МС ООН для начала, с неким облегчением, отметил, что заявитель не просит Суд принять решение в отношении правомерности якобы совершенных Россией агрессии (*alleged “aggression”*) и незаконной оккупации (*alleged “unlawful occupation”*), равно как и определить статус Крыма по международному праву (par. 30).

Суд постарался конкретизировать пределы своей юрисдикции по рассмотрению данного спора. В отношении Конвенции 1999 г. это было сделано в par. 74 решения, где суд отметил, что и основной вопрос, стоящий перед Судом, заключается в том, нарушил ли Ответчик свои обязательства по Конвенции 1999 г. принимать меры для предотвращения и пресечения финансирования терроризма и сотрудничества в этом. При этом Суд заявил, что он считает необходимым рассмотреть заявления Украины о якобы совершенных Россией преступлениях, связанных с финансированием терроризма, только в той мере, в какой это необходимо для урегулирования претензий Украины в рамках Конвенции 1999 г. Для этого Суд достаточно твердо пресек попытку Украины дать расширительное толкование термину «средства» (*funds*), приведенному в ст. 1 Конвенции. Украина полагала, что этот термин включает в себя также и поставку вооружений, что вызвало категорическое несогласие Суда. С опорой на подготовительные материалы, а также толкуя этот термин в свете объекта и целей Конвенции, Суд посчитал, что Конвенция говорит только о денежных и финансовых средствах, но не о поставках оружия (par. 53).

Исходя из этого, по мнению Суда, нет необходимости оценивать предполагаемые многочисленные террористические акты, совершение которых ДНР, ЛНР и другими группами было возможным, по мнению Украины, исключительно за счет поставок Россией оружия или других средств, используемых для совершения таких деяний. То есть правовая квалификация самих действий в рамках заявленного предмета не входит в компетенцию Суда в рамках данного спора. Такой сдержанный подход Суда, очевидно, серьезным образом расходится с ожиданиями Украины.

В отношении Конвенции 1965 г. в пар. 156 решения от 31 января 2024 г. МС ООН повторил вывод, сделанный еще в решении о юрисдикции 2019 г. (п. 131), что он рассмотрит на стадии рассмотрения дела по существу «вопрос о том, действительно ли Российская Федерация участвовала в кампании расовой дискриминации, о которой заявляет Украина, нарушая таким образом свои обязательства» по Конвенции 1965 г.

Показательным можно также назвать максимальный уход Суда от политизированных заявлений в тексте решения по существу спора. В частности, рассматривая вопрос о распространенности образования на украинском языке в Крыму (по этому эпизоду факт нарушения международных обязательств со стороны России был признан Судом), во внимание были приняты данные, изложенные в докладе Верховного комиссара по правам человека (par. 358)⁶. Из текста решения заметно, что МС ООН констатирует осуществление Россией полного контроля над системой государственных школ в Крыму, в частности над языком обучения и условиями его использования родителями и детьми, но при этом воздерживается от квалификации правовых оснований такого контроля (вхождение в состав Российской Федерации – в соответствии с правовой позицией России или оккупация – в соответствии с правовой позицией Украины).

5. Итоги рассмотрения дела Украина vs Российская Федерация по существу спора

МС ООН применительно к каждой конвенции и каждому из заявленных эпизодов вменяемых международно-противоправных деяний проанализировал объем представленных доказательств через призму своей предметной юрисдикции (*ratio materiae*).

В результате большинство эпизодов в том виде, в котором они были заявлены Украиной и вменялись ею России, оказались либо не установленными (*not established*), либо не доказанными заявителем.

Суд констатировал только два нарушения Российской Федерацией норм конвенций (по одному эпизоду на каждую конвенцию).

В частности, Суд установил, что Россия нарушила свои обязательства по Конвенции 1999 г., согласно которой государство-участник обязано провести тщательное расследование полученной инфор-

мации о предполагаемом финансировании терроризма, совершенном лицом, находящимся на его территории, предполагаемых фактов.

Суд отметил, что от России «требовалось стремиться к сотрудничеству с Украиной для проведения необходимых расследований и указать Украине, какая дополнительная информация могла потребоваться» (par. 111). Относительно возражений российской стороны о недостаточности предоставленных Украиной данных для расследования преступлений (par. 101), Суд указал на низкий порог доказываемости для возникновения обязательства России расследовать факты предполагаемого преступления, связанного с финансированием терроризма («The threshold set by Article 9, paragraph 1, is relatively low» – par. 103).

Второе нарушение было констатировано Судом в отношении обязательств России по п. 1(a) ст. 2 и ст. 5(e)(v) Конвенции 1965 г., а именно в отношении «способа, которым она внедрила свою систему образования в Крыму после 2014 г. применительно к украинскому языку».

В обоснование своей позиции по данному вопросу МС ООН указал на отсутствие со стороны России «убедительного объяснения внезапным и радикальным изменениям в использовании украинского языка в качестве языка обучения, которые оказывают неодинаковое негативное воздействие на права этнических украинцев» (par. 360).

В отношении международно-правовой ответственности России за установленные Судом нарушения, Суд посчитал, что для этих целей будет достаточным одного факта декларирования им в своем решении по существу спора этих нарушений, и поэтому он не видит необходимости указывать на иные способы ответственности России, включая возмещение ею материального и морального ущерба. Иными словами, МС ООН посчитал достаточным в данном деле ограничиться лишь установлением в своем итоговом решении фактов нарушения Россией своих обязательств.

Отдельно следует отметить вывод МС ООН о том, что запрет Россией деятельности Меджлиса не связан с этническим происхождением его членов, что позволило бы квалифицировать соответствующий запрет как нарушение Конвенции 1965 г. (par. 272). Основываясь на доказательствах, пред-

⁶ OHCHR report, Situation of human rights in the temporarily occupied Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (Ukraine) (22 February 2014 to 12 September 2017),

UN doc. A/HRC/36/CRP.3 (25 Sept. 2017). URL: <https://digital-library.un.org/record/1305326>.

ставленных Россией, Суд пришел к выводу, что введенный Россией запрет Меджлиса был вызван именно политической деятельностью его членов (par. 271). Этот вывод Суда резко расходится с его же адресованным России требованием из Определения 2017 г. об обеспечительных мерах принять меры по возобновлению деятельности Меджлиса. Очевидно, понимая, что Суд в 2017 г. поторопился с некоторыми оценками по сравнению с его же выводами в решении 2024 г. по существу спора, МС ООН в той части решения по существу, где рассматривались требования Украины о возмещении ущерба, вызванного неисполнением обеспечительных мер Суда, также ограничился лишь фактом признания с его стороны фактов нарушения Россией таких мер, как снятие запрета на деятельность Меджлиса и недопущение усугубления спора (par. 401–403). В этом смысле сработал принцип правовой определенности в части обеспечения законных ожиданий ответчика (об этом см.: [15, с. 175]), в отношении которого были приняты поспешные и неоправданные обеспечительные меры.

Кроме того, стоит отметить смену команды, представляющей интересы России в этом процессе. На этапе установления юрисдикции МС ООН в этом споре ведущую роль играла команда западных юристов по главе с видным юристом-международником **Аленом Пелле** (Франция). Из решения Международного Суда 2024 г. уже выстраивается иная картина, здесь российскую команду возглавляет **Геннадий Кузьмин**, посол по особым поручениям МИД РФ, а в состав команды входят юристы-международники из Китая и Ирана. Судя по всему, это не случайный выбор, особенно в части Ирана. Стоит отметить, что именно Иран убедительно показывает, как можно эффективно использовать обращения в МС ООН для защиты своих национальных интересов, что уже стало предметом отдельного рассмотрения в литературе (об этом см.: [16; 17]).

6. Выводы

Рассмотренное решение МС ООН от 31 января 2024 г. является без сомнения победой Российской Федерации. Победа не только в процессуальной части, когда фактически Суд предпочел воздержаться от оценок весьма спорных фактов конфликта на

Украине, а остался на позиции исключительно правовой оценки подлежащих исследованию по существу заявленного спора требований. Помимо этого, очевидна также победа в части материальной составляющей решения – Суд ограничился доказанностью двух незначительных эпизодов международно-правовых нарушений со стороны России, уклонившись от формулирования предписаний о возмещении Россией ущерба.

Очевидно, что Украина, используя при этом очень своеобразное толкование норм международного права, рассчитывала на авторитет МС ООН и установление им ряда фактов, которые могли бы стать для нее отправной точкой о для попыток привлечь Россию к ответственности. МС ООН воздержался от подобной интерпретации происходящих событий.

Суд предпочел исходить из очень сдержанного толкования своей предметной компетенции по этому спору, основанному, как уже было указано выше, на положениях обеих конвенций об обязательной юрисдикции МС ООН по спорам о толковании и применении этих международных договоров. Суд остался строго в рамках этих конвенций и не рискнул применять другие нормы международного права. Однако в литературе уже отмечено отсутствие стабильности и последовательности со стороны МС ООН в этих вопросах, и что Суд часто использует такую неопределенность в инструментальных целях (об этом см.: [7]). Когда он считает для себя возможным, он готов выйти за рамки применяемых международных договоров, как это было в деле *Oil Platforms (Iran v. United States of America)*⁷, где Суд значительную часть решения посвятил вопросам применения силы и самообороны (об этом см.: [18; 19]). С другой стороны, эта неопределенность помогает Суду уклониться от рассмотрения острых вопросов, заявив что эти вопросы находятся за рамками применяемого им в данном споре международного договора (как это было в деле о некоторых иранских активах (Иран против США), где суд не стал давать оценки соответствия нормативных актов США по обращению взыскания на активы ЦБ Ирана современным нормам об иммунитетах государств; об этом см.: [20]).

⁷ ICJ. Case concerning Oil Platforms (Iran v United States of America) Judgment of 6 Nov. 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Goldenziel J. An Alternative to Zombieg: Lawfare Between Russian and Ukraine and the Future of International Law / J. Goldenziel // *Cornell Law Review*. – 2023. – Vol. 108, iss. 1. – P. 1–14.
2. Goldenziel J. Law as a Battlefield: The U.S., China, and the Global Escalation of Lawfare / J. Goldenziel // *Cornell Law Review*. – 2020. – Vol. 106, iss. 5 – P. 1085–1171.
3. dos Reis F. Moving “red lines”: The Russian–Ukrainian war and the pragmatic (mis-)use of international law / F. dos Reis, J. Grzybowski // *Global Constitutionalism*. – Published online August 10, 2023. – P. 1–23.
4. Tropin Z. Lawfare as part of hybrid wars: The experience of Ukraine in conflict with Russian Federation / Z. Tropin // *Security and Defence Quarterly*. – 2021. – Vol. 33, № 1. – P. 5–29.
5. Кадышева О. В. Неизвестная «санкционная война» и возможности международного правосудия / О. В. Кадышева // *Международное правосудие*. – 2022. – № 4 (44). – С. 95–111.
6. Исполинов А.С. Эволюция правового статуса оговорок: от «правила единогласия» Лиги Наций до Руководства Комиссии международного права по оговоркам 2011 года / А.С. Исполинов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – № 3. – С. 134–161. – DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.134.161.
7. Dimetto M. «To Fall, or Not to Fall, That Is the (Preliminary) Question»: Disputes, Compromissory Clauses and Swinging Jurisdictional Tests at the ICJ / M. Dimetto // *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*. – 2022. – Vol. 21, № 1. – P. 5–34.
8. Fontanelli F. Once Burned, Twice Shy. The Use of Compromissory Clauses before the International Court of Justice and Their Declining Popularity in New Treaties / F. Fontanelli // *Rivista di diritto internazionale*. – 2021. – Vol. 104, № 1. – P. 7–39.
9. Исполинов А. С. Яблоко раздора: досудебная процедура в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС / А. С. Исполинов, О. В. Кадышева // *Международное правосудие*. – 2021. – № 2 (38). – С. 93–110.
10. Пименова С. Д. Обеспечительные меры в практике международных судов и трибуналов / С. Д. Пименова. – М. : Статут, 2023. – 202 с.
11. Пименова С. Д. Украина против России: комментарий к определению Международного суда об обеспечительных мерах от 16 марта 2022 года / С. Д. Пименова // *Журнал ВШЭ по международному праву*. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 92–98.
12. Пименова С. Д. Обеспечительные меры в практике Международного Суда ООН / С. Д. Пименова // *Международное правосудие*. – 2020. – № 2 (34). – С. 88–102.
13. Lando M. Plausibility in the Provisional Measures Jurisprudence of the International Court of Justice / M. Lando // *Leiden Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 31, № 3. – P. 641–668.
14. Hill-Cawthorne L. International Litigation and the Disaggregation of Disputes: Ukraine-Russia as a Case Study / L. Hill-Cawthorne // *International & Comparative Law Quarterly*. – 2019. – Vol. 68. – P. 779–815.
15. Терехова Л. А. Постановление Европейского Суда по правам человека как основание для пересмотра решения национального суда / Л. А. Терехова // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 173–183. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).173-183.
16. Klein N. Iran and Its Encounters with the International Court of Justice / N. Klein // *Melbourne Journal of International Law*. – 2021. – Vol. 21, № 3. – P. 620–652.
17. Пименова С. Д. Спор о некоторых иранских активах (Иран против США): упущенная возможность Международного Суда ООН и процессуальные уловки сторон / С. Д. Пименова // *Международное правосудие*. – 2023. – № 3 (47). – С. 3–17.
18. Ochoa-Ruiz N. Exploring the Limits of International Law relating to the Use of Force in Self-defence / N. Ochoa-Ruiz, E. Salamanca-Aguado // *European Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 16, iss. 3. – P. 499–524.
19. Cannizzaro E. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case / E. Cannizzaro, B. Bonafé // *European Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 16, iss. 3. – P. 481–497.
20. Dautaj Y. Jurisdictional Immunities and Certain Iranian Assets: Missed Opportunities for Defining Sovereign Immunity at the International Court of Justice / Y. Dautaj, W. F. Fox // *Cornell International Law Journal*. – 2020. – Vol. 53, № 3. – P. 379–427.

REFERENCES

1. Goldenziel J. An Alternative to Zombieg: Lawfare Between Russian and Ukraine and the Future of International Law. *Cornell Law Review*, 2023, vol. 108, iss. 1, pp. 1–14.
2. Goldenziel J. Law as a Battlefield: The U.S., China, and the Global Escalation of Lawfare. *Cornell Law Review*, 2020, vol. 106, iss. 5, pp. 1085–1171.
3. dos Reis F., Grzybowski J. Moving “red lines”: The Russian–Ukrainian war and the pragmatic (mis-)use of international law. *Global Constitutionalism*, published online August 10, 2023, pp. 1–23.
4. Tropin Z. Lawfare as part of hybrid wars: The experience of Ukraine in conflict with Russian Federation. *Security and Defence Quarterly*, 2021, vol. 33, no. 1, pp. 5–29.
5. Kadyshcheva O. Unknown “sanctions war” and the possibilities of international justice. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 95–111. (In Russ.).
6. Ispolinov A.S. The Evolution of Legal Status of Reservations: from League of Nations Unanimity Rule to the International Law Commission 2011 Guide to Practice on Reservations to Treaties. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 3, pp. 134–161. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.134.161. (In Russ.).
7. Dimetto M. «To Fall, or Not to Fall, That Is the (Preliminary) Question»: Disputes, Compromissory Clauses and Swinging Jurisdictional Tests at the ICJ. *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 5–34.
8. Fontanelli F. Once Burned, Twice Shy. The Use of Compromissory Clauses before the International Court of Justice and Their Declining Popularity in New Treaties. *Rivista di diritto internazionale*, 2021, vol. 104, no. 1, pp. 7–39.
9. Ispolinov A., Kadyshcheva O. An apple of discord: pre-trial procedure in international justice and in the jurisprudence of the EAEU Court. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 93–110. (In Russ.).
10. Pimenova S.D. *Interim measures in the practice of international courts and tribunals*. Moscow, Statut Publ., 2023. 202 p. (In Russ.).
11. Pimenova S. Ukraine v. Russia: a Commentary on the Order of 16 March 2022 on the Request for the Indication of Provisional Measures. *Zhurnal VShE po mezhdunarodnomu pravu = HSE University Journal of International Law*, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 92–98. (In Russ.).
12. Pimenova S. Provisional measures in the jurisprudence of the International Court of Justice. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 88–102. (In Russ.).
13. Lando M. Plausibility in the Provisional Measures Jurisprudence of the International Court of Justice. *Leiden Journal of International Law*, 2018, vol. 31, no. 3, pp. 641–668.
14. Hill-Cawthorne L. International Litigation and the Disaggregation of Disputes: Ukraine-Russia as a Case Study. *International & Comparative Law Quarterly*, 2019, vol. 68, pp. 779–815.
15. Terekhova L. European Court of human rights judgement as a basis for review of the national courts' judgement. *Pravoprimereni = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 173–183. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).173-183.
16. Klein N. Iran and Its Encounters with the International Court of Justice. *Melbourne Journal of International Law*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 620–652.
17. Pimenova S. The case of certain Iranian assets (Iran v. Usa): missed opportunity for the ICJ and procedural tricks of the parties. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2023, no. 3 (47), pp. 3–17. (In Russ.).
18. Ochoa-Ruiz N., Salamanca-Aguado E. Exploring the Limits of International Law relating to the Use of Force in Self-defence. *European Journal of International Law*, 2005, vol. 16, iss. 3, pp. 499–524.
19. Cannizzaro E., Bonafé B. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case. *European Journal of International Law*, 2005, vol. 16, iss. 3, pp. 481–497.
20. Dautaj Y., Fox W.F. Jurisdictional Immunities and Certain Iranian Assets: Missed Opportunities for Defining Sovereign Immunity at the International Court of Justice. *Cornell International Law Journal*, 2020, vol. 53, no. 3, pp. 379–427.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселева Ольга Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: olga.kiseleva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-0448-8253

ResearcherID: HII-9133-2022

SPIN-код РИНЦ: 4518-6008

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Olga A. Kiseleva – PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law

St. Petersburg University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: olga.kiseleva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-0448-8253

ResearcherID: HII-9133-2022

RSCI SPIN-code: 4518-6008

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Киселева О.А. Решение Международного суда ООН от 31 января 2024 г. по существу спора Украины против Российской Федерации / О.А. Киселева // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 149–157. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).149-157.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Kiseleva O.A. Judgment on the merits of the International Court of Justice of January 31, 2024, case Ukraine vs Russian Federation. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 149–157. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).149-157.